

Возможна ли «глобальная справедливость»?

Т.А. Алексеева

Мировой политический форум, собирающийся в Ярославле уже в третий раз, превратился в площадку открытого диалога вокруг наиболее острых и актуальных проблем, затронувших большинство государств и оказывающих прямое влияние на социальный климат в масштабе современного мира.

Сейчас уже очевидно, что целый ряд решений, направленных на развитие социальных систем и разработанных еще в середине XX в., изжил себя и требует переосмысления и существенной модернизации. Это наглядно демонстрируют кризисные явления в экономике, политике и культуре, утрата многими людьми чувства справедливости существующего порядка, надежды на лучшее будущее.

Отсюда – необходимость выработки новых решений, адекватных реалиям сегодняшнего мира и способных вывести современные общества на новый уровень социального развития. Именно поэтому проблема справедливости, как наиболее важная и одновременно спорная, затрагивающая одновременно мировоззренческие и практические вопросы, выносятся на обсуждение участников секции.

Как мы понимаем справедливость. Мир вокруг нас меняется с огромной скоростью. Неслучайно А. Гидденс назвал его «ускользающим» – то, что еще вчера казалось обычным, устойчивым и стабильным, теперь неприемлемо и нетерпимо. Неслучайно планета охвачена бунтом недовольных – сегодня уже в более чем 80 стран «улица» поддержала сторонников движения «захватим Уолл-стрит» и другие финансовые центры. И если вчера еще для власть предержащих актуальным был тезис Фукидида о справедливости как уделе слабых, позволяющей сильным пользоваться плодами своей мощи, похоже, уже в ближайшем будущем он станет непозволительной роскошью.

Справедливость – «сквозная» идея на протяжении всей истории человеческого общества, крайне изменчивая и очевидно зависящая от конкретных исторических условий, культурных традиций и шкалы ценностей человека, рассуждающего о ней, поэтому всегда субъективна. Получается, что справедливы те отношения, которые признаются самими людьми в качестве таковых. Чувство несправедливости обостряется во времена кризисов, когда не видно перспективы, то есть утрачивается надежда на перемены. Для кого-то это фантом, но исключительно действенный. Как бы там ни было, разговоры о справедливости сегодня стали маркером политкорректности.

Справедливость сегодня осознается как важнейший фактор функционирования государства и рыночного хозяйства и одновременно отражение эндогенной нестабильности капитализма. Иными словами, постоянно возникает необходимость внятного представления о том, что же это все-таки такое? На первый взгляд понятно, о чем идет речь. Но это только на первый взгляд. При более внимательном анализе концепции начинаются трудности. В самом деле, справедливость – «вызов» для социальной теории. Множество мыслителей пыталось найти «формулу справедливости», но универсального определения, вытекающего из природы человека, так и не появилось. В той или иной степени эти определения всегда оказываются в зависимости от времени, места, социального статуса самого мыслителя и т.д.

Алексеева Татьяна Александровна – д.ф.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Некоторые отправные точки все же дают нам классики философской мысли. Еще Аристотель выделял два типа справедливости: уравнительную и распределительную. Оба принципа формальны – они не отвечают на вопрос о том, кого считать равными, а кого – разными. Сегодня мы также могли бы пойти по пути «формальной» справедливости в аристотелевском духе, но, как мне кажется, в современных условиях важно принять во внимание многогранность этого понятия. Отсюда – огромный разброс мнений о том, что такое справедливость, перегруженность понятия самыми разными ценностями, разные подходы к определению условий ее обеспечения.

Неудивительно поэтому, что ценность справедливости оказалась растащенной разными идеологиями. Несколько подходов одновременно претендуют на близость к идеалу. Добавим к этому взаимоисключение и взаимоналожение интерпретаций. Для либерализма – это отражение беспристрастности рынка и договорного характера отношений. Для социализма – наилучший способ распределения благ в обществе, сориентированный на равенство (социальная справедливость).

Однако неверно отождествлять справедливость только со свободой или исключительно с равенством. Справедливость может быть понята, таким образом, как изменяющееся соотношение равенства и свободы. Обе крайности резко обостряют несправедливость. Слишком много равенства означает утрату свободы. Слишком много свободы приводит к разбалансировке всей системы, скачкообразному росту неравенства. Иными словами, здесь необходимо вечное стремление к равновесию, которое никогда не будет достигнуто, но к которому тем не менее всегда нужно стремиться, ибо здесь происходит пересечение доверия, сотрудничества, счастья и блага людей. Джордж Акерлоф, лауреат Нобелевской премии по экономике, признает, что справедливость означала бы равновесие, но жизнь в принципе неравновесное состояние.

В то же время справедливость – важный мотивирующий фактор для экономических и политических решений, поскольку в ней присутствует тесная связь с доверием и сотрудничеством. Без этого функционирование современного рынка в принципе невозможно себе представить. Отсюда вытекает и миссия государства: поддерживая потенциал развития, одновременно постоянно сглаживать обострения чувства несправедливости у граждан. Балансиром при этом может выступать демократия с ее движениями политического маятника между «правым» и «левым», позволяющими корректировать ситуацию. Поэтому справедливость – предмет дискуссии, но при одном важнейшем условии: она всегда должна быть направлена на благо человека.

Американский философ Джон Роулс еще в 1970-е гг. попытался соединить свободу и равенство в своих знаменитых «Принципах справед-

ливости». Они были призваны гарантировать свободу для всех и улучшение положения отстающих при обязательном соблюдении принципа равенства возможностей. Однако Роулс сам признавал, что его теория адекватна только для богатых и преуспевающих обществ, типа американского, и обществ со стабильной развитой демократией. Между тем таких обществ меньшинство, стало быть, она также по определению неуниверсальна.

Цифры разнятся, но нам интересен порядок. В 20 наиболее богатых странах мира средние доходы в 37 раз превосходят средние доходы в 20 беднейших странах, причем за последние десятилетия разрыв более чем удвоился. Большинство же современных обществ – это общества традиционные, которым более свойственна иерархическая справедливость, когда каждый уровень «вертикали власти» манифестирует свое право на произвол, в котором правит обычай, помноженный на волю правящего класса, конституирующего себя в виде закона. Либо это расколотые общества, в том числе по цивилизационным линиям, отделяющим традиционное общество от современного, в частности и в представлениях о справедливости.

В этом их принципиальное отличие от Запада с более типичной для него эгалитарной справедливостью, предполагающей политическое равенство или равенство всех в свободе как наиболее общий принцип организации основных общественных институтов. Неравенство осознается как морально оправданное, поскольку в нем выражена различная степень их совершенства. Наконец, в России, очевидно, имеет место общество, расколотое по цивилизационным линиям, то есть границам, отделяющим традиционное общество от современного. Отсюда – противоречивость представлений о справедливости и обращение к «социальной справедливости» как своего рода лозунгу, в который вкладывается самый разный смысл.

Справедливость, подобно прогрессу, равенству, свободе, авторитету и так далее, – сущностно оспариваемые концепции. То есть их главной чертой является многозначность, позволяющая выявлять такие стороны, как стремление к счастью, удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне, равенство в возможностях и доходах и т.д. Подвижным «ядром» (или нервным узлом) концепции выступает соответствие деяния и воздаяния, заслуг и признания, преступления и наказания, роли группы в обществе и ее реального социального положения.

Как справедливость связана с глобализацией. Проблема справедливости оказывается на пересечении двух фундаментальных процессов: модернизации и глобализации, причем оба весьма далеки от завершенности, обладают разной скоростью развития, характеризуются откатами и разновекторностью. Отсюда – огромное разнообразие моделей взаимодействий, оказывающих, помимо всего прочего, влияние на представле-

ния о справедливости/несправедливости, в свою очередь подверженных метаморфозам. Наряду с другими различиями одно из важнейших – степень допустимости неравенства между людьми и их группами. Режим неравенства предполагает онтологические различия в экономике, политическом устройстве, гражданском обществе и наконец способе реализации насилия.

Глобальные процессы, таким образом, не только корректируют траектории национального развития, но реструктурируют социальные процессы. Они заметным образом изменяют условия развития отдельных стран и, как следствие, оказывают фундаментальное влияние на социально-экономические процессы развития всего современного мира. При этом четыре параметра прогресса играют особенно важную роль: экономический рост; равенство, права человека и благосостояние. Все они, так или иначе, затрагивают вопросы справедливости.

Как признает подавляющее большинство исследователей, процессы глобализации при всех преимуществах и обещаниях сопровождаются целым рядом негативных явлений, включающих множество форм «структурного насилия», проистекающего из повседневной деятельности экономических и политических институтов на глобальном уровне. Это весьма очевидно при рассмотрении углубляющегося неравенства между «золотым миллиардом» и странами «третьего мира». Следует признать, что, несмотря на разнообразные программы и проекты помощи отстающим, в отношении целого ряда стран разрыв лишь продолжает углубляться. Поэтому, несмотря на то что достижения глобализации весьма впечатляющи, у нее немало критиков самых разных ориентаций. Они указывают на ее важные ограничения и негативные последствия, в том числе:

- рост безработицы в слаборазвитых странах;
- увеличение торгового дефицита и снижение уровня конкуренции в развитых странах;
- эксплуатация со стороны развитых стран населения слаборазвитых;
- расширение разрыва между богатыми и бедными странами;
- опасения в основных странах, что их традиции и религиозные нормы нарушаются;
- накапливающееся раздражение в бедных странах в силу сравнения с условиями жизни в богатых странах, то есть обострение чувства несправедливости;
- терроризм; разрушение окружающей среды и т.д.

Важно заметить, что список стран, получивших преимущества или, наоборот, многое потерявших в связи с глобализацией, не остается неизменным с течением времени. Тем не менее общая тенденция к углублению неравенства становится все более заметной на протяжении истории последнего столетия. Так, сравнение ВВП на душу населения между Индией (наиболее бедной страной в тот период), США и За-

падной Европой в 1800 г. было 1:3, сегодня – 1:15. Однако, подчеркнем еще раз, справедливость отнюдь не тождественна равенству в доходах или уровню экономического развития. Но граждане богатых стран – лишь меньшинство населения Земли, а реальная деятельность разворачивается повсеместно. Быстрая конвергенция с мировыми технологическими державами со стороны Китая с 1980-х гг., распространившаяся потом на Индию в 1990 гг., улучшившая жизнь миллионов людей по всему развивающемуся миру, безусловно, означает значительный рост экономического благосостояния массы людей по сравнению с каким-либо предшествующим периодом в истории.

В современном мире, по-видимому, уже не осталось ни полностью глобализированных, ни целиком изолированных обществ. Отдельные процессы глобализации – финансовых потоков, экономики, взаимодействия людей – кроме того, не равны по интенсивности. Как представляется, полное размытие суверенитета национальных государств под влиянием глобализации и «закрытость» обществ от внешних влияний – не более чем интеллектуальный миф. Не существует герметически закрытых обществ. Скорее правилом, чем исключением, является множество трансграничных взаимосвязей на региональном и глобальном уровнях. Это не новое явление, но оно приобретает новые формы. Соответственно и у режимов неравенства, пронизывающих, по существу, всю социально-политическую, экономическую и культурную сферу, нет собственной территории. Они взаимопроникающи в рамках определенных институциональных сфер.

Глобализация – это прежде всего развивающийся процесс, который пока не сформировал единой системы экономики, политики, системы насилия или гражданского общества. Влияние глобализационных процессов нелинейно, соответственно которому можно было бы более успешно сопротивляться, а предполагает коэволюцию экономик, политики, обществ, и т.д. Глобальные процессы носят комплексный, пересекающийся, взаимокоррелирующий характер. Отсюда – неизбежность крайней неровности глобализационного ландшафта. Глобальные процессы оказывают влияние на ситуацию с неравенствами: одни усиливаются, другие сглаживаются – но все они переживают реструктуризацию.

Неудивительно поэтому, что и раскол между сторонниками и противниками глобализации крайне неровен сам по себе. К числу сторонников глобализации мы можем отнести неолибералов, либеральных интернационалистов, институциональных реформаторов. К числу противников нужно отнести представителей так называемой «третьей волны» исследований, которая в значительной мере была связана с теорией структурной зависимости, а также социал-демократов и радикалов всех мастей, в том числе анархистов, традиционалистов, неомарксистов, феминисток и т.д.

Группы противников неолиберальной глобализации могут быть подразделены на сторонников:

- 1) конкуренции и реформ, антикорпоративизма, борьбы за мир и права человека;
- 2) глобализации «снизу» и поддержки народного интернационалистского популизма;
- 3) разрыва связи и реструктуризации глобализированной политической экономии как экономики локальностей.

Речь идет не просто об отрицании неолиберализма и неоконсерватизма, а также рыночной глобализации в том смысле, как ее понимали сторонники неолиберализма, а о более глубоком переосмыслении капиталистического способа производства как такового. По мнению многих антиглобалистов, необходимо принимать глобализацию всерьез, но не просто как совокупность идей и доминирующий дискурс, а в более фундаментальном смысле как совокупность структурных императивов, имеющих свои истоки в материальных отношениях.

Смысл этого подхода был сформулирован Хьюго Рэдисом и приобрел множество последователей среди радикалов. Рэдис писал, что потоки капитала на глобальном уровне *диктуют* свои условия, предписывают форму государства, представляющего для них интерес. В этих условиях для государства, принявшего условия мегакорпораций, всякая возможность осмысленных социально-экономических реформ на национальном уровне, становится фикцией, причем на весьма длительную перспективу. Тем самым закрепляется противопоставление богатых и бедных наций, развитого центра финансового капитала и обслуживающего положения менее развитых государств. Опираясь на мир-системный подход И. Валлерстайна, Родес приходит к выводу о том, что «национальная экономика» становится не более чем «кейнсианским мифом», а изучение отдельных автономных государств – не более чем заблуждением. Это также явилось одной из важных причин кризиса социал-демократической модели регулирования. Однако это, безусловно, крайняя точка зрения.

Среди противников неолиберальной модели глобализации немало и сторонников «третьего пути». По их мнению, наше понимание властно-силовых отношений в рамках глобализационных процессов должно быть пересмотрено в свете происходящих трансформаций. Например, сохраняя преемственность в политическом дискурсе по поводу глобализации, социал-демократический «третий путь» оказывается между неолиберальными сторонниками капитализма свободной торговли и радикального и марксистского утверждения относительно существующей структуры социальной репродукции, которая углубляет тенденции к социальному неравенству.

По их мнению, между существующими глобальными структурами остается достаточно пространства для маневрирования ради созда-

ния более справедливого мира и что глобальная система отнюдь не обязательно должна унаследовать репродуцирование капиталистической власти. Они выражают надежду на то, что правила глобальной системы могут быть реформированы для лучшего представительства общих потребностей человечества, нежели ограничения конкретными потребностями наиболее развитых стран. Такого рода подход несет на себе отчетливую печать всех великих политических споров последних полутора столетий.

Как бы там ни было, следует признать, что торжество неолиберализма и разрушение «социального рыночного капитализма» отнюдь не являются неизбежным следствием глобализации. Способы адаптации национальных экономик к внешним конкурентным императивам должна различаться специфической формой, несмотря на общий неолиберальный тип регулирования. Отсюда – большое разнообразие типов, участвующих в глобальной конкуренции государств. На одном конце спектра – модель благосостояния неолиберализма (иногда ее называют англо-американской моделью). В огрубленной форме ее можно охарактеризовать как «ответ» на императивы глобализации на основе низкого уровня социального обеспечения (отсюда – вывод производственных мощностей в страны с низким уровнем доходов). На другом конце спектра – страны с сильными социальными программами, высоким уровнем производительности труда, вниманием к технологическим инновациям («немецкая», «европейская» модели) или так называемый «конкурентный корпоративизм».

Хотя глобализация объективно создает возможности для объединения людей, но у целого ряда исследователей вызывает сомнение трансформационный потенциал этого излишне широкого единства. Определение глобального гражданского общества настолько широкое, что позволяет включить в него даже мультинациональные корпорации. Многочисленные критические оценки неолиберальной модели глобализации и ее реализации в практике мирового развития позволяют сделать вывод о том, что существует возможность конструирования глобализации вне неолиберальной парадигмы. Разумеется, это в немалой степени зависит от того, как именно исследователи понимают глобализацию. В нашу задачу, однако, не входит подробное рассмотрение сталкивающихся взглядов. Важнее констатировать сам факт их почти полной непримиримости, что, в свою очередь, ведет за собой и поляриность в воззрениях на справедливость. Приходится констатировать также сильную идеологическую нагруженность споров о глобализации.

Следует признать, что многие из групп противников глобализации сами являются ее продуктами. И, подобно самой глобализации, развитие протестного движения отличается крайней неравномерностью, различиями в степени влияния, более того, обычно группы, попу-

лярные в развитой части мира почти неизвестны в развивающейся, и наоборот. Тем не менее они играют немаловажную роль в радикализации населения и обострения чувства несправедливости происходящего. Урок из исследования глобализационных процессов, имеющий важное значение для сегодняшнего дня, заключается в том, что распределение доходов между гражданами важно не только с точки зрения справедливости, но и для политической поддержки режима либеральной международной торговли.

Если лидеры демократических обществ хотят и далее пользоваться преимуществами открытых международных рынков, они должны также более внимательно отнестись к интересам тех, кто страдает от глобализации. По мнению такого критика глобализации, как Кемаль Дервис, цена процветания не сбаласирована, крайне несправедлива по отношению к бедным и невежественным, голос которых практически не слышен вследствие недемократичности самих процессов глобализации. Он пишет: «Глобальные рынки нуждаются в хорошей глобальной политике. Сегодня у нас глобализация без репрезентации – и поэтому без сдержек и противовесов, правового правления, уровней игры и, что наиболее важно, без чувства собственности и легитимности, которыми демократия обеспечивает рыночную экономику».

Почему мы должны обратиться к этике. Коль скоро справедливость – это ценность, возможен ли какой-то продуктивный диалог в отношении ценностей? Возможен, но при одном важном условии: этот диалог должен разворачиваться не в сфере политики (она станет как бы производной от достигнутых договоренностей, но не их предпосылкой). В противном случае мы рискуем увязнуть в конфликте политических амбиций и стереотипов, идеологических противоречий и столкновений интересов. Диалог о ценностях возможен и должен разворачиваться прежде всего в этической сфере. Португальский мыслитель, лауреат Нобелевской премии мира 1998 г. Жозе Сарамаго писал, что справедливость – это, в конечном счете, синоним этического, «она столь же необходима для счастья, как пища для тела. Это – и та справедливость, которую вершит суд и которую диктует закон. Но это также та справедливость, которая суть спонтанная эманация самого существования общества. Справедливость, в которой проявляется неотвратимость морального императива уважения самого *права на существование*, которое неотделимо от каждого человеческого существа».

Это означает, с одной стороны, необходимость выработки правил поведения для утверждения социального сотрудничества, с другой стороны, эти правила должны основываться на убеждениях и верованиях, в отношении которых отнюдь необязательно присутствует согласие, например, в религиозных взглядах, культурных традициях, философских идеалах и т.д. Иными словами, мы говорим об этике, когда имеем в

виду принципы социального сотрудничества, и определяем мораль как принципы поведения, в основе которых лежат убеждения, поддерживаемые самыми разными группами.

Отсюда проистекает необходимость заключения общественного договора (а точнее, множества символических общественных договоров) в отношении высших этических принципов коллективного интереса – справедливости на глобальном уровне, а также разработки этического кодекса, регулирующего поведение государств и направленность их социальной политики. Именно в их рамках только и возможен полноценный диалог между различными силами о способах и мерах преодоления неравенства и несправедливости.

По Гегелю, в этику заложено требование принимать во внимание всех тех людей, которых затрагивает данное действие или политика. Поэтому при принятии глобально значимых решений должен быть необходимый тест на его справедливость. Этическое мышление должно поддерживать такую универсальность подхода, когда оно анализирует институциональный дизайн и допустимые типы действия. Или, как указывает Амартия Сен, важно не только дать рынкам то, что им положено, но также оценить роль других экономических, социальных и политических свобод, развивающих и обогащающих ту жизнь, которую смогут вести люди. Это необходимо делать хотя бы из соображений цивилизационной безопасности. Вспомним, что Алексис де Токвиль еще в первой половине XIX в. подчеркивал, что слишком большой разрыв между богатыми и бедными чреват революциями.

Поэтому необходимо искать новые институциональные решения, отражающие меняющееся культурное и политическое понимание возникающих проблем. Такое новое понимание включает в себя этику «демократической ответственности» государств, в соответствии с которой более богатые общества должны поддерживать политику, направленную на преодоление глобального неравенства и нищеты, и тем самым будут помогать ограничивать конфликты и открывать развивающимся странам путь к благоденствию. Оно предполагает также, что государства должны начать пересматривать свои программы действий, принимая во внимание этические принципы отношений как внутри нового государства, так и в его отношениях с остальным миром.

На наш взгляд, новое государство должно стать именно этическим государством. Поэтому миссия нового государства, с одной стороны, поддерживать потенциал развития, а с другой – сглаживать обострения чувства несправедливости через постоянный диалог и конкуренцию проектов.

Alexeeva T.A. On the Possibility of “Global Justice”.